

Т. 42. № 2. С. 79–88

Этнография, этнология и антропология

2020

DOI: 10.15393/uchz.art.2020.452

УДК 316.614(=511.1)(470.21)

МЕДЕЯ ВЛАДИМИРОВНА ИВАНОВА

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
medeya999@gmail.com

ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА ШАБАЛИНА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
oshabalina@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАКТИКАХ ТРАДИЦИОННЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА*

На основе анализа этнографической литературы конца XIX – начала XX века, фольклорных и архивных источников рассмотрены историко-культурный контекст и современное бытование специфического субъективного концепта социальной справедливости в экономике традиционного домохозяйства, исторически сформировавшемся у локальной группы арктического населения – саамов Кольского полуострова. При осмыслиении данного концепта были выделены критерии жесткого равенства в распределении, продуктивность и принципы удовлетворения потребностей. Отмечено, что в условиях политики государственной колонизации Мурманского берега Кольского полуострова начиная с 1860 года инициировались новые хозяйственно-экономические отношения в крае, регулировавшиеся нормами общероссийского законодательства и «колонизационными» правовыми актами, подготовленными умозрительно, без учета специфических прав коренных жителей. На примере анализа архивных источников, отложившихся в фондах Государственного архива Мурманской области, показано, что при условии законного способа отстаивания своих представлений о социальной справедливости саамами Кольско-Лопарской волости в 1870–1871 годах в процессе разрешения владельческих конфликтов декларативная справедливость была на стороне истцов, а не на стороне колонистов с их переселенческими привилегиями.

Ключевые слова: саамы, социальная справедливость, колонизация, обычное право, Кольский полуостров, традиционные домохозяйства

Для цитирования: Иванова М. В., Шабалина О. В. Экономические аспекты социальной справедливости в практиках традиционных домохозяйств Кольского полуострова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 79–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.452

ВВЕДЕНИЕ

Во втором десятилетии XXI века по-прежнему не угасает дискуссия о положении коренных малочисленных народов Севера. В центре внимания – признание их права на традиционный образ жизни в современных экономических условиях. По всему миру аборигенное население сталкивается с общими проблемами в борьбе за защиту своих земель, ресурсов и обычаев. Индустриальная экспансия на территориях тра-

диционного природопользования существенно осложняет возможность положительного исхода в процессе защиты человеческих и трудовых прав коренных народов в силу малой осведомленности широкой общественности об историческом, культурном контексте и современном бытовании специфического субъективного концепта социальной справедливости, исторически сформировавшегося у каждой локальной группы арктического населения. Можно пред-

положить, что именно традиционный образ жизни, социально-экономическая общественная система коренных малочисленных народов уже на протяжении многих веков находятся в контексте социальной (не) справедливости. С 2007 года декларация ООН защищает права коренных народов на самоопределение и их договорные права, а также право свободно осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие.

В процессе исторического развития экономика традиционных саамских домохозяйств на Кольском полуострове изменялась под влиянием общественно-политических и естественно-природных факторов. Существенную роль в трансформационных процессах играли колонисты и этнические мигранты, которые приносили на новую территорию свою хозяйственную культуру, используя в традиционных экономических практиках ту же ресурсную базу, что и представители коренного этноса, без учета сложившихся «норм и правил». Подобная экспансия в отдельных случаях приводила к нарушению сложившихся традиций природопользования коренного населения, как следствие, люди невольно начинали стремиться к сохранению своих интересов или «социальной справедливости». Б. Рассел, отмечая возрастающую значимость понятия справедливости, подчеркивал, что

«имеется некоторого рода необходимость, или естественный закон, который постоянно восстанавливает равновесие. Это понятие справедливости – не переступать установленных от века границ» [6: 45].

Действительно, саамы до прихода советской власти на Кольский полуостров старались соблюдать правила и нормы организации традиционной экономической деятельности, несмотря на социально-экономические мероприятия российского правительства, направленные на развитие окраинных территорий государства на рубеже XIX–XX веков, которые неизбежно привели к вторжению в сложившуюся систему взаимоотношений между человеком и окружающей природной средой региона.

Современный российский и скандинавский дискурс в области изучения саамского общества, культуры и истории продолжает существовать в контексте национальных особенностей мировоззренческих позиций, не избавился от «колониального» рефrena, но значительно эволюционировал от стереотипных описаний саамских колдунов-«экзотов», датируемых XVII веком, до значительных эмпирических исследований в области истории саамов на основе широкого

комплекса источников [2], [5: 39–159], [12: 7–9], [13], [14], [15], [16], [17], [18].

В рамках данной статьи осуществлена попытка осмысливания концепта социальной справедливости в экономике традиционных домохозяйств саамов – коренного населения Мурманской области в исторической ретроспективе. В силу множества трактовок концепта «социальная справедливость» мы рассмотрели его с точки зрения качества общественных отношений, охватывающих экономические аспекты жизнедеятельности саамов.

ГРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СААМОВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

К середине XIX века население Кольского полуострова насчитывало 9 291 человека, которых можно отнести к двум локальным группам: коренное население – лопари (саамы, 18,8 %) и колонисты (русские – 63,1 %, финляндцы – 11,5 % и прочие – 6,9 %)¹. Организация экономической деятельности коренного населения базировалась на неформальных нормах и правилах, которые регулировали социально-экономические отношения внутри общины и сохраняли специфику сложившейся традиционной жизни и хозяйственной деятельности. Саамы занимались ловлей рыбы, охотой, оленеводством, собирательством и прочими промыслами.

Основу социально-экономической организации саамов составляла территория погоста, которая и определяла тип ведения хозяйства как распределенное домохозяйство. Территория проживания и жизнедеятельности саамской семейной общины включала в себя места зимнего (постоянного) и сезонного (временного) проживания, а также маршруты перекочевок, родовые угодья, промысловые территории. Каждый погост имел четкую локацию с границами по естественным географическим ориентирам, такими как горы, озера, камни, реки². Но в связи с исчезновением арктических территорий, трудно восстанавливавшихся в отношении биологических ресурсов, расположение погостов неоднократно менялось, как и их количество. В этнографической литературе конца XIX – начала XX века у разных авторов приводились разные данные: от 18 до 22 погостов³.

УПРАВЛЕНИЕ, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ПОТРЕБЛЕНИЕ

Экономические (или хозяйственные) вопросы, связанные с закреплением имущественных прав, управлением имуществом, распределением и потреблением ресурсов и результатов обще-

ственного труда в рамках саамской общины, основывались на обычном праве, описанном в работах А. Я. Ефименко, Н. Н. Харузина и других авторов⁴.

Следуя теории справедливости Дж. Ролза, мы можем рассматривать саамское сельское общество в середине XIX века как общность людей, проживавших на территории определенного погоста, «которые в своих взаимоотношениях осознают определенные обязывающие их правила поведения и которые, по большей части, поступают согласно этим правилам» [7: 20]. Правила устанавливали систему кооперации, предназначеннуую обеспечивать блага тем, кто следовал правилам, и поскольку община была связана единым интересом – обеспечением выживания, то совпадение интересов в рамках социальной кооперации (следуя логике Ролза) делало возможной для всех лучшую жизнь по сравнению с тем, чем она была бы, если бы каждый жил за счет собственных усилий.

Распределительная роль права имела большое значение в экономической жизни общины, которая не только способствовала четкому определению прав и обязанностей, но и раздаче тягот и повинностей. В данном контексте общественное право выступает как «социальное благо»⁵. Исследование неформальных институтов организации хозяйственной модели саамской сельской общины и особенностей ведения хозяйства позволяет увидеть, что социальная справедливость проявлялась через создание для всех членов коллектива единых стартовых условий для экономической деятельности. То есть фактически можно констатировать существование общества эгалитарного типа с равными возможностями для всех его членов.

В процессе работы над статьей в рассмотренных нами исторических источниках мы не нашли примеров погони за материальной выгодой или наживой, тем самым подтвердив тезис американского антрополога Маршала Салинза об отсутствии стремления к увеличению объема добываемых продуктов в обществе охотников и собирателей [8].

Хозяйственная модель и территориальная организация каждого погоста, а также социальная структура общины представляли собой хорошо отлаженный механизм,

«имевший безусловную внутреннюю логику и взаимосвязь, позволявшую круглогодично в полной мере контролировать промысловые угодья, заниматься рыболовством и одновременно следить за оленным стадом» [1: 9–11].

Саамы вели полукочевой образ жизни, который определял относительную нематериалистичность саамов и потенцировал их уделять большее внимание отношениям с семьей и общиной. Земельных наделов в частном владении у саамов никогда не было. Земля считалась государственной, и лопари пользовались ею по установленным ранее обычаям⁶. Межевание, искони не менявшееся, делило Русскую Лапландию на участки по количеству саамских погостов. Границы промысловых территорий членами других общин не нарушались. Угодья и земли распределялись по количеству семей пропорционально их составу (чем больше семья – тем больше наделы) и наследовались; неделимы были только горы, которыми владели все сообща⁷. То есть принципов справедливости, основанных на равенстве возможностей, саамы придерживались при перераспределении семейных промысловых участков, в зависимости от богатства промысловых ресурсов и /или при увеличении или уменьшении состава семьи⁸. На сходе (суйме) после определения количества мужского населения, которое должно было заниматься рыбным ловом в расчете на 1 тоню, последние (за исключением семужих) могли распределяться с помощью жребия⁹.

В процессе изучения экономик коренного населения зачастую недооценивается роль местных экономических и социальных институтов, поскольку предполагается, что основные правила и механизмы их исполнения устанавливаются на более высоком уровне. Однако на локальном уровне значительную роль, как было показано выше, играют формальные и неформальные нормы и правила, устанавливающие ограничения и соответствующие механизмы контроля социально-экономических процессов, определяющих специфику сложившегося традиционного хозяйства, соблюдение местных традиций и готовность локальных групп к инновациям. Надо отметить, что эти неформальные институты являются эффективным регулятором социального равенства саамов.

Среди общепринятых критериев, которые выделяются нами при конструировании концепта социальной справедливости в экономике саамских домохозяйств, кроме уже отмеченного жесткого равенства в распределении, существовали такие, как продуктивность и принципы удовлетворения потребностей [10: 146–147].

Находясь на позиции внешнего наблюдателя, при анализе доступных нам образчиков малых жанров саамского фольклора, аккумулированных в одной семье, можно говорить, что, например, критерий продуктивности в саамском

обществе, где мотивационным импульсом для традиционной хозяйственной деятельности служит выживаемость и, как ни странно, достижение своеобразного гедонизма, становится еще и фактором в представлении о достатке/богатстве, бедности/нищете. Так, в пословицах богатый саам то же самое, что работающий саам, а ленивый – бедный: «У бедняка оленей всегда волки поедают», «У бедняка и важенка не телится», «У беззаботного человека добро не заводится», «Будет забота, появится и добро» [3: 43–45].

Категория гедонизма – жизни в свое удовольствие без ограничений – присутствует в этнографической литературе о саамах конца XIX – начала XX века наравне с описаниями крайне непривлекательного, жалкого, убогого, неудобного и скучного существования лопаря (саама). В отчете о путешествии архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кольский уезд в 1895 году констатируется: «Издавна вольный сын широкой бесконечной тундры, лопарь любит эту тундру и свободную кочевую жизнь». Там же сообщается, что ранее побывавший в этих краях управляющий Государственными имуществами Архангельской губернии С. П. Гоппен подметил, что когда у состоятельных лопарей (саамов) спрашивали, почему они не живут «с удобством», то слышали в ответ:

«Что может быть лучше свободы, шири в тундре и шума в лесах, жизни в незаменимой веже или тупе? Что может быть приятнее и здоровее ежедневной летней пищи из свежей вкусной рыбы <...>? Что может быть веселее той снежной выюги, когда по гладкой снежной равнине вихрем несешься в своей кережке, запряженной четверкою сильных рослых быков-оленей, в свою тупу, к своей семье, где находишь у разведенного костра испеченную свежую оленину? Нет, мы не сравним нашу привольную жизнь с приневольною жизнью в городах, нам вежа, тупа лучше всякого каменного дома»¹⁰.

Внешние наблюдатели судят о богатстве индивида, в том числе оценивая жилище и питание. Лопарские (саамские) традиционные жилые постройки: постоянная – тупа с камельком, временные – куокса (кувакса) и вежа. В зимних местах проживания лопари (саамы) разного уровня достатка всех погostов имели русские избы и тупы. На летних стоянках использовались тупы и вежи: «Первые служат убежищем для зажиточных, вторые для бедняков». Все упомянутые постройки крайне аскетичны, и рациональность в их устройстве превалирует над возможностью быть объектом роскоши¹¹. Врач-физиолог Ф. Г. Иванов-Дятлов, описывая рацион саамов, отмечает, что питание находится всегда в большой зависимости от материального состояния¹². Но при этом разница в рационе богатых (радивых) и бедных

(нерадивых) в основном состоит только в количестве употребляемых продуктов и наличии у богачей большего разнообразия приправ, жиров и сахара¹³.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОЛОНИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Размышления о концепте социальной справедливости в экономике традиционных домохозяйств саамов на Кольском полуострове невозможны без учета колониальной политики Российской государства в отношении своих отдаленных окраин. Социальная справедливость в традиционном обществе в первую очередь проявляется в возможностях и ограничениях вести традиционный образ жизни.

«Социально несправедливые отношения имеют место тогда, когда существуют видимые и невидимые недобросовестные действия в рамках общества, которые способствуют неравенству и препятствуют социальному прогрессу» [9].

Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова начиная с 1860 года инициировала новые хозяйственно-экономические отношения в регионе, регулировавшиеся нормами общероссийского законодательства и «колонизационными» правовыми актами [4: 250]. Последние были подготовлены умозрительно, без выявления свободных казенных земель и учета специфических прав коренных жителей на рыболовные угодья. Столичные и местные чиновники долгое время не сомневались в успехе земледелия на Мурмане и были заинтересованы в освоении как можно большего объема площадей, позволяя переселенцам законным образом занимать любые земли. Но после визита в 1870 году великого князя Алексея Александровича на Мурман поборников мнения о возможности развития землепашства становилось все меньше¹⁴. И в процессе разрешения владельческих конфликтов все чаще стал учитываться тот факт, что лопари, по Положению о государственных крестьянах от 24 ноября 1866 года, считаясь казенными, признавались наследственными владельцами отведенных им в надел и находившихся в их пользовании земель и угодий до даты узаконения¹⁵. То есть декларативная справедливость была в это время на стороне лопарей, а не колонистов с их переселенческими привилегиями. Хотя на деле уже в 1890 году губернские чиновники рекомендовали волостным и уездным исполнителям «не задаваться охранением во что бы то ни стало интересов одних лопарей в ущерб колонистов». Новые трактовки законов должны были способствовать осуществлению стратегической задачи колони-

зации края исключительно силами русских, но это обстоятельство никак не оправдывало вытеснения коренных жителей с их исконных земель и угодий¹⁶.

В качестве высокоинформационного примера законного способа отстаивания своих представлений о справедливости саамами Кольско-Лопарской волости в 1870–1871 годах могут служить два документа: прошение в Губернское правление и ответ на него, отложившиеся в фонде № И-52 «Кольско-Лопарское волостное правление Александровского уезда Архангельской губернии» Государственного архива Мурманской области (цитируемый текст источника аутентичен, но для удобства его восприятия добавлены некоторые знаки препинания).

В преамбуле к прошению, обращенному к «Его Высокоблагородию Господину Ассессору Архангельского Губернского Правления Ядовину», составленному в марте 1970 года от имени крестьян лопарей (саамов) Кольско-Лопарской волости Печенского, Пазрецкого и Мотовского погостов, констатируется, что «с незапамятных <...> времен» предки просителей поселились в этих погостах, и тогда же был произведен раздел между членами указанных общностей «сенокосной земли и земельных же згодий», а также территорий «для звериных, лесных промыслов и корма оленей», мест «рыболовных ловел в реках, озерах и морских губах». Эти «земляные згодья и рыбные ловли» находились в их пользовании «в замен пахотной земли» с разграничением владений между погостами «известными [им] межами».

Авторы обращения к государственным властям свидетельствуют, что они «владения имели между собой совершенно спокойно без малейшего нарушения до поселения инародцев, которые самовольно без всякого со стороны нашей согласия поселились на наши владения» и произвольно стали пользоваться принадлежащими саамам сенокосами и рыбными ловлями. Далее в документе поименованы нарушители: «семейства финляндцев», осевших в течение 6 лет, с 1863 по 1869 год, во владениях Пазрецкого погоста, «печенский норвежец», принявший присягу «на подданство России», Антон Даль¹⁷. С последним фигурантом этого списка у просителей возник не только территориально-владельческий спор, но и морально-этический конфликт. Даль поселился на северной стороне «устыя Печенской губы, где Летний Печенский погост» и устроился обстоятельно: построил дом, тупы, амбары и «промышленные заведения»¹⁸. Из амбара он начал «торговлю красными товарами¹⁹, чаем, са-

харом, а более всего ромом». Этот «заморский» алкогольный напиток оказался самым страшным злом, которому саамы не могли противостоять:

«...извлекающим для самых из нас последния копейки и приводящим население в крайнее разорение. И притом терпим от употребляющих разного сословия крик, шум, брань, иногда драку, вообще нарушающих тишину общественное спокойствие и чистоту нравов»²⁰.

Точно такие же «разорительные» торговые операции осуществлял Антон Даль и «в три версты от Печенского Монастыря, а от Печенского летняго Погоста в 20 верстах», где на берегу «реки Печенги, впадающей в Печенскую Губу, выстроил <...> лавку». Даль «расширил свою торговлю и строения для собственных выгод и для развития контрабанды, но никак ни для развития рыбопромышленности на Мурманском берегу». При занятиях торговлей «особенно привлекаются к нему его приверженцы норвежцы и вовсем способствуют его распоряжениям». По мнению саамов, такая деятельность приводила «к одному лишь стеснению [их], послаблению [их] промышленностей». Хозяйственные и жилые постройки этого предпримчивого дельца в указанном летнем погосте вытеснили саамские «дома» так, что они «неминуемо должны [были] переселится на другие места»²¹.

Кроме уже упомянутых переселенцев притесняли авторов прошения «фильман Петр Ларс и прочия», которые

«живут особенно, самовольно пользуются Печенскими сенокосными местами и привели месные материалы почти уже дапустошения истреблением на дрова, и стесняют рыбною ловлею в морских губах на згодях принадлежащих [им] в той же Печенской Губе»²².

Обосновавшиеся «при рыболовной тони у Ольховского наволока <...> Норвежский Бурман Данило <...> и фильман Нилус Гальт, и по лету 1869 норвежец Улан Ула и другия семейства на другой стороны Печенской Губы, норвежец Юган Ганс и несколько семейств коррелов» осенью 1869 года «запирали реку Книжуху и производили ловли семги и в устье Печенской Губы, на тонях, принадлежащих нам и переходящих для владения между собой поочередно». Указывалось, что «колонисты финлянцы, норвежцы прусские производят ловли рыбы гарвами, неводами». В згодьях Мотовского погоста «как то в устьи Мотовской губы и риках большой и малой Урах, Эйны и Зубовки также многие поселенцы самовольно пользуются рыболовными ловлями». А поселившиеся в 1866 году финляндцы Абрам, Соломон Карлссонсы, Артило Яковь Арфанем и Иоан Гансон Пельтом на берегах реки «большой Уры совершенно ловли отняли», о чем было со-

общено в Волостное правление²³. Саамы были обеспокоены, что «переселенцы, называемые колонистами», в том числе «и неимущия никаких видов»²⁴, ежегодно прибывали. Они доводили до сведения государственных чиновников, что

«при таком поселении колонистов и самоуправном завладении опользовании принадлежащим нам сенокосами и рыбными ловлями мы совершенно оттеснены от владений с лишением оных, как единственных источников для нашего благосостояния и оплачивания податей и повинностей. Мы несли убытки и пришли в упадочное состояние, более уже не в силах обеспечивать себя этими средствами и оплачивать в исправности государственные подати и повинности»²⁵.

Обращалось особое внимание властей и на то, что «колонизация умножили натуральное направление обывательских подводов, от чего <...> лопари Печенского, Мотовского погоста несут совершенно обременительствую[щие] тягости»²⁶. Ситуация была осложнена тем, что «документов на право владения землей и рыбными ловлями» мотовские саамы не имели. Их право основывалось на том, что «межи разделяющие между нашими погостами владения старожили наши припомнят». Детальные сведения по межеванию угодий между общностями были направлены ими в Волостное правление.

После описания обстоятельств, вынудивших саамов обратиться к Его Высокоблагородию, в документе резюмировалась суть прошения: «...покорнейше просить войти в наше крайни стеснительное положение, сделать зависящее от Вас начальственное ходатайство» об обложении пошлиной, «возможность отнимать и пользоваться принадлежащими нам сенокосами и рыбными ловлями», ввоз и продажу «зловредного напитка рому». Освободить печенских и мотовских лопарей (саамов) «от тяготного отправления натуральной подводной повинности». И, если возможно, выселить

«из наших местностей посторонних поселенцев, выведя нас из обременительного положения, дозволить свободно пользоваться средствами владений сенокосами и рыбными ловлями на прежнем основании без вмешательства колонистов и тем оказать милостивую защиту и покровительства»²⁷.

К прошению прилагалась справка волостного писаря от 7 марта 1870 года, в которой он сообщал, что:

«В делах Кольско-Лопарского Волостного Правления документов на Право владения Землями и рыбными ловлями, принадлежащими крестьянам Пазрецкого, Печенского и Мотовского погостов, и о межах оных неимеется, но из сведений упраздненного Печенского Волостного Правления о быте Лопарей упомянутых Погостов, предоставленных тем правлением от 8 августа 1866 г. за № 136

и 141 в камиссию, командированную в Северозападную часть Мурманского берега для исследования и описания Ея, видно, что Лопари тех погостов<...> [действительно] <...> имеют принадлежащую им Землю, удобную для огородничества, по погостам Мотовскому, по реке Ури <...>, по Печеньскому по реке Печенге, и по Пазрецкому по реке Пазреке, а сенокосную Землю по погостам: Печеньскому, по реке Печенье 10 дес., на берегу Северного окияна Аинская острова 180 десяти 200с. Эти острова по распоряжению управления государ[ственному] имущества отдаются с торгов в оброчное содержание с 1869 г.»²⁸.

Далее следует такая же подробная «роспись» остальных земельных владений Мотовского и Пазрецкого обществ, их промысловых угодий и подтверждение того, «что распределение згодий, как речных, так и озерных, сделано с давних лет, и владение переходит из рода в род».

Сельский староста Печенгского общества Киприянов свидетельствовал, что

«показанные в прошении крестьяне лопарей погостов: – Печенского, Пазрецкого и Мотовского межи, разделяющие их владения землями и рыболовными ловлями, и границы Норвежский, и финляндский, совершенно справедливы. Владения этих лопарей Земляными угодьями и рыбных ловли как в озерах, реках, морских губах, и на тонях действительно принадлежат в поименованном прошении мижах по праву давности»²⁹.

Также подтверждались все факты разного рода несправедливости по отношению к лопарям, указанные в прошении, из-за которых они лишились какой бы то ни было прибыли, становились «несправедливыми плательщиками податей и повинностей», накопили долг в 70 руб., с начала колонизации несли «довольно обременительную тягость лопари Мотовского, Печенского погостов в отправлении обывательской и подводной повинности»³⁰.

Ответ с решениями по жалобам и прошениям лопарей «Кемского уезда Печенгского, Мотовского и Пазрецкого погостов» был составлен в канцелярии начальника Архангельской губернии в январе 1871 года на имя кольско-лопарского волостного старшины.

В нем сообщалось, что член Присутствия управляющий государственными имуществами г. Раделов заявил:

«...бывший Начальник Губернии Действительный Статский Советник Качалов, во время обозрения вместе с ним Мурманского берега вследствие жалобы Лопарей на стеснения их колонистами, разобрав эти жалобы, внушал и разъяснял колонистам, что стеснять лопарей в пользовании угодьями и в производстве промыслов они не имеют права, так как угодья принадлежащия лопарям, должны оставаться у них в пользовании, а на промыслы в море лопари имеют такое же право как и колонисты»³¹.

Так как жалобы лопарей были отправлены в Губернское присутствие 24, 26 июня и 3 июля 1870 года до посещения Мурманского берега начальником губернии в августе 1870 года, то Губернское присутствие определило отнести возникшие между колонистами и лопарями споры об угодьях к «недоразумениям первых» относительно прав на пользование теми угодьями.

Кольскому исправнику и мировому посреднику 3-го Кольского участка было поручено разъяснить колонистам, что переселение их на Мурманский берег

«отнюдь не имеют стеснить быт лопарей, а напротив, цель колонизации – служить примером, посредством устройства хороших хозяйств и введения улучшенных способов рыбной и звериной промышленности, для привлечения лопарей к оседлой жизни, а потому колонисты не имеют ни какого исключительного права на угодья, состоящие в пользовании лопарей и могут селиться и пользоваться лишь на местах свободных, находящихся в ведении казны, при водах же, где поселились уже колонисты и где эти воды прежде находились в пользовании лопарей, права на промыслы должны быть общие, и что за сим всякое неправильно присвоение лопарских угодий и стеснение в морских промыслах, свободных по закону для каждого поданного, будет преследуемо по законам, со взысканием всех причиняемых убытков, о чем объявить лопарям на поданныя ими просьбы, присовокупив, что в случае причинения и за сим колонистами стеснений, они должны обращаться с жалобами к Полиции, которая обязана восстановить нарушенное право, а о причиненных убытках заявлять иски в судебном месте»³².

Удовлетворена была и просьба о восстановлении справедливости в отношении взимания с лопарей крайне обременительной подводной повинности: считалось незаконным привлечение их к «уравнительному сбору по 78 коп. с души» одновременно с предоставлением ими же натуральной подводной повинности из-за отсутствия в Лопарской волости обывательских станций: «справедливость требует учредить такие же станции на счет сего же сбора и во всех главных населенных местностях Лопарской волости»³³.

Была признана незаконно возложенная на лопарей «повинность найма десятских для Судебного Следователя в г. Коле». Подтверждалось, что наем помещения и вахтера для торгового магазина по правилам возлагался на крестьян только в том случае, если они «заявят на это желание, а как лопари ходатайствуют о сложении с них этой обязанности, то сообщить о сем на распоряжение Комитета о Продовольствии жителей». Прошение лопарей об освобождении их от выбора сельского заседателя, вахтера и содержания десятских при становой квартире не

подлежало удовлетворению, так как эти повинности были возложены на обывателей законом³⁴.

ВЫВОДЫ

Анализ этнографической литературы о саамах конца XIX – начала XX века, фольклорных и архивных источников позволяет сделать ряд выводов:

1. Воспроизведение несправедливых социально-экономических отношений на Кольском Севере было обусловлено следующими историческими предпосылками:

- колонизационные усилия церкви и «нового» населения из более южных районов страны, которое создавало постоянные поселения, занимало промысловые территории, принадлежащие коренному населению;

- усиление административного и фискального контроля (саамы долгое время облагались данью со стороны нескольких государств);

- неизбежность включения в рыночные отношения.

2. При осуществлении попытки осмыслиения концепта социальной справедливости в экономике традиционных домохозяйств саамов – коренного населения Мурманской области – в исторической ретроспективе были выделены критерии жесткого равенства в распределении, продуктивность и принципы удовлетворения потребностей. Критерий продуктивности в саамском обществе, где мотивационным импульсом для традиционной хозяйственной деятельности служит выживаемость и, как ни странно, достижение своеобразного гедонизма, становится еще и фактором в представлении о достатке/богатстве, бедности/нищете.

3. В процессе изучения экономик коренного населения зачастую недооценивается роль местных экономических и социальных институтов, поскольку предполагается, что основные правила и механизмы их исполнения устанавливаются на более высоком уровне. Однако на локальном уровне значительную роль, как было показано выше, играют формальные и неформальные нормы и правила, устанавливающие ограничения и соответствующие механизмы контроля социально-экономических процессов, определяющих специфику сложившегося традиционного хозяйства, соблюдение местных традиций и готовность локальных групп к инновациям. Эти неформальные институты являются эффективным регулятором социально-экономического равенства саамов.

4. Социальная несправедливость проявляется в первую очередь, когда возникает конфликт ин-

тересов. С одной стороны – полукочевое коренное население, общество рыболовов, охотников и собирателей, в котором отсутствуют погоня за ростом добываемых продуктов и сама идея такого поведения. С другой стороны – колонизационные процессы на Кольском полуострове, вынуждающие коренное население (саамов) постоянно адаптироваться к новым условиям.

В настоящее время на Кольском Севере складываются различные системы хозяйствования, и поиск компромисса с учетом исторического опыта может привести к справедливому решению вопроса их существования, возникновению новых правил взаимодействия между различными культурами, не ущемляющих коренное население.

*Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания ФИЦ КНЦ РАН по теме НИР № 0226-2019-0066.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Харузин Н. Н. Русские лопари. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1890. С. 20.
- ² Львов В. Н. Русская Лапландия и русские лопари: Географический и этнографический очерк. М.: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1903. С. 63.
- ³ Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: [б. и., 1909]. С. 80; Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки ИРГО. СПб., 1878. Т. 8. С. 15; Харузин Н. Н. Русские лопари. С. 76.
- ⁴ Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки ИРГО. СПб., 1878. Т. 8. С. 1–89; Харузин Н. Н. Русские лопари.
- ⁵ Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве: Пособие для кооперативно-общественной школы и курсов / Под ред. В. А. Кильчевского. Ярославль: Изд-во Яросл. Кредит. Союза Кооп-в., 1919. С. 115–116.
- ⁶ Розонов А. С. Лапландия и лапландцы. СПб., 1903. С. 86.
- ⁷ Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской. С. 43; Харузин Н. Н. Русские лопари. С. 244.
- ⁸ Львов В. Н. Русская Лапландия и русские лопари: Географический и этнографический очерк. С. 64.
- ⁹ Харузин Н. Н. Русские лопари. С. 246.
- ¹⁰ Очерк путешествия архангельского губернатора А. П. Энгельгардта в Кемский и Кольский уезды в 1895 году. Архангельск: Губернская типография, 1895. С. 45–46.
- ¹¹ Иванов-Дятлов Ф. Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927) / Под ред. Д. А. Золотарева. Л.: Изд. РГО, 1928. С. 13.
- ¹² Там же. С. 42.
- ¹³ Там же. С. 46–56.
- ¹⁴ Тихомиров В. Заботы о заселении Мурмана во второй половине нынешнего столетия. СПб., 1899. С. 4–5.
- ¹⁵ Экспедиция для научно-промышленных исследований у берегов Мурмана. Отчет о ее деятельности за 1902 год начальника экспедиции Л. Л. Брейтфуса. СПб., 1903. С. 137.
- ¹⁶ Мухин А. А. О Мурмане и Лапландии. Записка чиновника по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда А. А. Мухина. Архангельск, 1910. С. 41–42.
- ¹⁷ ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 82.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Красный товар – это текстиль, мануфактура.
- ²⁰ ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 82 об.
- ²¹ Там же.
- ²² ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30 Л. 82 об.–83.
- ²³ ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 83.
- ²⁴ То есть обосновавшиеся незаконно.
- ²⁵ ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 83.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 83об.–84.
- ²⁸ ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 85.
- ²⁹ ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 85–85 об.
- ³⁰ ГАМО. Ф. И-52. ОП.1. Д. 30. Л. 86.
- ³¹ ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 104.
- ³² ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 104–105.
- ³³ ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 105–105об.
- ³⁴ ГАМО. Ф. И-52. Оп. 1. Д. 30. Л. 106–106об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007. 86 с.
2. Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. Модель социальной структуры // Dieđut. 2008. № 2. 294 с.
3. Мечкина Е. И. Фольклорные традиции в культуре саамской семьи. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2010. 54 с.
4. Орехова Е. А. Саамское население и колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. 2008. Вып. 1. С. 250–257.
5. Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгин; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 671 с.
6. Рассел Б. История западной философии. М., 1959. 935 с.
7. Ролз Дж. Теория справедливости / Под ред. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1995. 535 с.
8. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
9. Севастянов А. М. Социальная несправедливость в отношениях власти и общества: опыт социологического измерения // Социология власти. 2012. №1. С. 159–166.
10. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Academia, 2002. 480 с.
11. Ballantyne T. Empire, knowledge and culture: From proto-globalization to modern globalization, globalization in world history. (A. G. Hopkins, Ed.). London: Pimlico, 2002. 280 p.
12. Gunaratnam Y. Researching race and ethnicity, methods, knowledge and power. London: Sage Publications, 2003. 218 p.
13. Junka-Aikio L. Can the Sami speak now? // Cultural Studies. 2014. № 2 (30). P. 205–233.
14. Hansen L. I., Olsen B. Hunters in transition: An outline of early Sámi history. Leiden & Boston: Brill, 2014. 402 p.
15. Lehtola V.-P. The Sami people, traditions in transition. Inari: Kustannus-Puntsi, 2002. 139 p.
16. Mathisen S. R. Changing narratives about Sami folklore: A review of research on Sami folklore in the Norwegian area // Sami Folkloristics. (J. Pentikäinen et al., Eds.). Turku: Nordic Network of Folklore, 2000. 284 p.
17. Sergejeva J. The Eastern Sami: A short account of their history and identity // Acta Borealia. 2000. № 2 (17). P. 5–37.
18. Sörlin S. Rituals and resources of national history. The North and the Arctic in Swedish scientific Nationalism // Narrating the Arctic: A cultural history of Nordic scientific practices. (M. Bravo, S. Sörlin, Eds.). Canton: Science History Publications, 2002. 378 p.

Поступила в редакцию 27.09.2019

Medeya V. Ivanova, Doctor of Economics, Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”,
(Apatity, Russian Federation)
medeya999@gmail.com

Olga V. Shabalina, PhD in History, Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”,
(Apatity, Russian Federation)
oshabalina@yandex.ru

ECONOMIC ASPECTS OF SOCIAL JUSTICE IN THE PRACTICES OF TRADITIONAL HOUSEHOLDS OF THE KOLA PENINSULA*

The article is based on the analysis of ethnographic literature dating back to the late XIX and the early XX centuries, as well as folklore and archival sources. It examines the historical and cultural context and the current existence of a specific subjective concept of social justice in the economy of traditional households, historically formed by the local Arctic population – the Sámi of the Kola Peninsula. When contemplating this concept, criteria of strict equality in distribution, productivity and principles of needs satisfaction were identified. It is noted that under the state policy of colonizing the Murmansk coast of the Kola Peninsula starting with 1860 the region initiated new economic relations, governed by the norms of all-Russian legislation and “colonization” legal acts which were prepared speculatively, without taking into account the specific rights of the indigenous people. Using the example of the analysis of archival sources deposited in the State Archive of the Murmansk region, the authors show that in 1870 and 1871, when the Sámi of the Kola-Lopar district used legal means of upholding their ideas about social justice in the process of resolving possessory conflicts, declarative justice was on their side, and not on the side of the colonists, despite their resettlement privileges.

Keywords: Sámi, social justice, colonization, customary law, Kola Peninsula, traditional households

*The study was financed from the federal budget as part of the state research project No 0226-2019-0066 assigned to the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences”.

Cite this article as: Ivanova M. V., Shabalina O. V. Economic aspects of social justice in the practices of traditional house-holds of the Kola Peninsula. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 79–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.452

REFERENCES

1. Gutsol N. N., Vinogradova S. N., Samorukova A. G. Resettled groups of the Kola Sami. Apatity, 2007. 86 p. (In Russ.)
2. Kuchinsky M. G. The Sami from the Kola district between the XVI and the XVIII centuries. The model of social structure. *Dieđut*. 2008. No 2. 294 p. (In Russ.)
3. Mechkinia E. I. Folklore traditions in the culture of the Sami family. Apatity, 2010. 54 p. (In Russ.)
4. Orekhova E. A. The Sami population and the colonization of the Murmansk coast of the Kola Peninsula during the second half of the XIX century and the early XX century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2*. 2008. No 1. P. 250–257. (In Russ.)
5. The Baltic-Finnish peoples of Russia. Moscow, 2003. 671 p. (In Russ.)
6. Russell B. A history of Western philosophy. Moscow, 1959. 935 p. (In Russ.)
7. Rawls J. A theory of justice. Novosibirsk, 1995. 535 p. (In Russ.)
8. Salins M. Stone Age economics. Moscow, 1999. 296 p. (In Russ.)
9. Sevastyanov A. M. Social injustice in relations between power and society: experience of sociological measurement. *Sociology of Power*. 2012. No 1. P. 159–166. (In Russ.)
10. Social inequality of ethnic groups: ideas and reality. Moscow, 2002. 480 p. (In Russ.)
11. Ballantyne T. Empire, knowledge and culture: From proto-globalization to modern globalization, globalization in world history. London, 2002. 280 p.
12. Gunnaratum Y. Researching race and ethnicity, methods, knowledge and power. London, 2003. 218 p.
13. Junka-Aikio L. Can the Sami speak now? *Cultural Studies*. 2014. No. 2 (30). P. 205–233.
14. Hansen L. I., Olsen B. Hunters in transition: An outline of early Sámi history. Leiden & Boston, 2014. 402 p.
15. Lehtola V.-P. The Sami people, traditions in transition. Inari, 2002. 139 p.
16. Mathisen S. R. Changing narratives about Sami folklore: A review of research on Sami folklore in the Norwegian area. *Sami Folkloristics*. (J. Pentikäinen et al., Eds.). Turku, 2000. 284 p.
17. Sergejeva J. The Eastern Sami: A short account of their history and identity. *Acta Borealia*. 2000. No 2 (17). P. 5–37.
18. Sörlin S. Rituals and resources of national history. The North and the Arctic in Swedish scientific nationalism. *Narrating the Arctic: A cultural history of Nordic scientific practices*. (M. Bravo, S. Sörlin, Eds.). Canton, 2002. 378 p.

Received: 27 September, 2019